

Рецензії та огляди

Александр Майоров

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА IX–XVI ВВ. В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2000. 649 с.

Исследование Л. В. Войтовича – фундаментальный труд, который по своей полноте и тщательности значительно превосходит созданные ранее в отечественной и зарубежной историографии работы подобного плана. Книга является результатом многолетних разысканий автора в области генеалогии Рюриковичей, Гедиминовичей и других правящих династий Восточной Европы, а также изучения социально-политической истории Киевской Руси, русских земель и княжеств XII – начала XVI вв. и Великого княжества Литовского, воплотившихся в большом количестве научных работ, в том числе нескольких монографиях¹.

Исследование основывается на практически исчерпывающем круге источников, доступных современной науке, возможности которых внимательно анализируются и оцениваются автором в

---

¹ Войтович Л. 1) *Генеалогія династій Рюриковичів*. Київ 1990, XVIII+227 с.; 2) *Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиминовичів*. Київ 1992, 199 с.; 3) *Удільні князівства Рюриковичів і Гедиминовичів у XII – XVI ст. Історико-генеалогічне дослідження*. Львів 1996, 256 с.; 4) *Удільні князівства Рюриковичів і Гедиминовичів у XII – XVI ст. (Таблиці)*. Львів 1996, 50 табл.; 5) *Нащадки Чингізхана: вступ до генеалогії Чингізидів – Джуридів*. Львів 2004, 248 с.

специальном источниковедческом разделе (с. 11-96). В числе таких источников – древнерусские летописи и западноевропейские хроники, иные нарративные произведения XII – XVII вв., дипломатические акты и письма, частные акты, метрики литовско-мазовецкой короны, родословные книги, разрядные книги, войсковые реестры, шляхетские легитимации, жития и предания. Значительное внимание уделено вещественным и изобразительным источникам, среди которых – надгробия, эпитафии, граффити, портреты, миниатюры и другие иконографические материалы, княжеские гербовники, разнообразие археологические источники, монеты, печати и др.

С особой тщательностью Л. В. Войтович подходит к изучению княжеских поминальников – специфического вида источников, богатых фактическими данными, но требующих больших усилий по идентификации имен. Среди таких источников, пока еще мало изученных, отдельно исследуются Любецкий, Холмский, Киево-Печерский и Супральский синодики.

Важным достоинством рецензируемой работы является введение в научный оборот новых источников, ранее не использовавшихся в исследованиях по генеалогии. В качестве примера укажем на сочинение монаха Киево-Печерского монастыря Афанасия Кальнофойского “Teraturgema”, опубликованное на польском языке в 1638 г. Здесь приводится генеалогия князей Святополк-Четвертинских, надгробные эпитафии известных лиц, погребенных на территории монастыря, список ктиторов и попечителей, выписки из монастырского поминальника, – сведения, представляющие значительную ценность для изучаемого предмета.

Основное внимание в книге уделяется изучению персонального состава княжеских династий Рюриковичей (с. 113-281) и Гедиминовичей (с. 282-356). В рамках этих больших династий, насчитывающих в общей сложности несколько сотен членов, автором выделены и отдельно изучены роды полоцких, друцких, галицких, волынских, турово-пинских, чернигово-северских, муромо-рязанских, тарусских, пронских, ростовских, суздальских, московских, ярославских и тверских князей, а также князей Четвертинских, Сокольских, Одоевских, Воротынских, Острожских, Заславских и др.

Значительный интерес представляют разделы, посвященные первым русским князьям – Рюрику, Олегу, Игорю, Ольге, в которых автор на основе синтеза различных источников по-новому пытается реконструировать некоторые спорные или недостаточно выясненные факты их биографии. Достаточно убедительно выглядит выдвинутая им на основании археологических источников, данных скандинавских саг и так называемой Иоакимовской летописи версия ранней истории Ладоги, а также обстоятельств, обусловивших призвание на княжение Рюрика. Можно согласиться с отождествлением Рюрика с известным датским викингом Рориком (ум. ок. 876 г.) и выводом об историчности названных в Повести временных лет его братьями Синеуса и Трувора, которых Л.В. Войтович отказывается считать членами княжеского рода, предполагая в них предводителей отдельных варяжских отрядов, находившихся под властью Рюрика (с. 114-115).

Интересны соображения автора об обстоятельствах прихода к власти в Киеве Олега, взаимоотношениях первых киевских князей с венграми, восточном направлении их внешней политики и походах на Каспий. По-новому решается один из наиболее дискуссионных и запутанных вопросов о времени, месте и обстоятельствах смерти Олега. Автор предлагает вполне обоснованную гипотезу, согласно которой свергнутый возмужавшим Игорем, законным наследником Рюрика, Олег, всеми забытый, закончил свои дни в Ладоге в 20-х годах X ст., а в Киеве волхвы в угоду новому властителю сложили легенду о смерти вещего князя с традиционным мотивом предопределения судьбы (с. 118).

Вместе с тем, автор оставляет нерешенным поднимаемый им вопрос идентификации летописного князя Игоря. Речь идет об отмечаемом практически всеми исследователями несоответствии традиционной хронологии основных событий жизни этого князя, особенно же времени его вступления в брак и рождения сына Святослава. Соглашаясь с гипотезой о возможном существовании двух князей с именем Игорь – сына и внука Рюрика, автор так и не приходит к определенному заключению. Недостаточно основательным представляется и принимаемое им предположение о тайном христианстве Игоря, что будто бы проявлялось в его внешней политике. Несколько искусственно выглядит и другое предположение, по которому Ольга являлась последней предста-

вительницей рода Аскольда, вывезенного во Псков, где с ней и познакомился Игорь (с. 119). Подобные предположения нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной аргументации.

В числе источников, постоянно используемых автором рецензируемой книги, имеются и весьма поздние, чье происхождение и достоверность вызывают определенные сомнения. Прежде всего, мы имеем в виду оригинальные известия “Истории Российской” В. Н. Татищева, почерпнутые историком первой половины XVIII в. из недошедших до нас древних памятников, бывших в его распоряжении, в том числе так называемой Иоакимовской летописи.

В обращении к такому своеобразному источнику Л.В. Войтович, на наш взгляд, проявляет некоторую непоследовательность. Принимая содержащиеся в нем сведения и опираясь на них в своих дальнейших выводах, автор в то же время отказывается признать подлинность Иоакимовской летописи в целом, характеризуя ее как “позднейший фальсификат”. Недоумение читателя еще более усиливается замечанием о том, что упомянутая летопись “была составлена первым новгородским епископом Иоакимом” (с. 114). Первым новгородским епископом, как известно, был Иоаким Корсунянин, живший на рубеже X–XI вв., и если наш автор признает именно его составителем летописи, то о каком позднем фальсификате можно вести речь? Ведь упомянутый Иоаким на целое столетие старше Нестора, и, следовательно, созданная им летопись должна быть старше Повести временных лет. Вероятно, здесь имеет место какое-то недоразумение.

С большой тщательностью и глубоким знанием материала Л.В. Войтович решает наиболее сложные и запутанные вопросы генеалогии русских и литовских князей, правивших в отдельных землях, восстанавливает факты их биографии, родственные взаимоотношения, уточняет некоторые датировки. В большинстве случаев подобная исследовательская работа требует учета и реконструкции самых широких и полных данных, относящихся к внутри- и внешнеполитической истории, истории социальных и правовых институтов.

Важным достоинством рецензируемой книги является включение в нее специальных разделов, посвященных анализу социально-политического положения князей в период Киевской Руси

(IX–XIII вв.) (с. 367-423) и удельных княжеств (XIII – начало XVI вв.) (с. 425-498). Автором изучаются вопросы демографии, наследственного права и брачной политики, отношения князей с другими слоями общества, с церковью и городами, с войском, роль князей в развитии древнерусской культуры и традиций государственности.

Немало в работе сделано обобщений, касающихся особенностей социально-политического строя и государственного устройства Киевской Руси, преобразовательной деятельности киевских князей. На некоторых из них мы остановимся более подробно.

Характеризуя административно-политические реформы Владимира Святославича, Л.В. Войтович говорит об учреждаемых им новых “провинциях” в составе основанной первыми Рюриковичами “империи”, создавая которые, князь стремился уничтожить старое племенное разделение населения, прежние племенные границы и политические центры, основывая взамен их новые, как, например, город Владимир на Волыни (с. 387). Соглашаясь в целом с подобными утверждениями, мы должны заметить, что главным условием, сделавшим возможной столь масштабную реформаторскую деятельность киевского князя, было происходившее на Руси на рубеже X–XI вв. бурное разрушение родоплеменных отношений и связанных с родовым строем общественных институтов, в том числе институтов власти и управления, что и обусловило значительное усиление княжеской власти в лице киевского князя и его временное преобладание над местными политическими структурами.

Характеризуя Киевскую Русь как “феодалную империю”, состоящую из отдельных “королевств”, исследователь основное внимание уделяет эволюции междукняжеских отношений – от отношений на основе бенефициев (земельных владений или фиксированных доходов с них, предоставляемых под условие службы сеньору), преобладавших в XI – начале XII в., к отношениям на основе феодалов (безусловное наследственное владение), складывающихся в XII – начале XIII в., что становится главной причиной феодальной раздробленности (с. 389-390).

Подобная схема политического развития Руси XI – XIII вв., широко представленная в литературе, страдает существенным

недостатком, — в ней не остается места для политической деятельности вечевой общины, проявившей себя в многочисленных, зафиксированных источниками фактах вечевого избрания и смещения князей, заключения с ними договоров “на всей воле” общины, вмешательства общины в княжеские дела и нарушения установленного на княжеских съездах порядка междукняжеских отношений и проч.

Факты такого рода, давно изученные и введенные в научный оборот, игнорировать невозможно. Признавая это, Л.В. Войтович в отличие от многих новейших исследователей отказывается видеть в князьях Киевской Руси полновластных монархов. По его мнению, княжеская власть была ограничена демократическими традициями, идущими еще от эпохи “военной демократии”. Князь “по своей сути остался наивысшим представителем (“достойником”, по терминологии автора. — *А.М.*) общества, его служебником”. Князь “мог раздавать бенефиции, а затем и лены своим представителям за их службу, но эти бенефиции, как и позднейшие лены, давали только право на фиксированные натуральные или денежные налоги (которые заменили полюдь) и судебные виры с данной территории” (с. 398).

Главным политическим противовесом, не позволившим княжеской власти развиваться во власть монархическую, являлось вече. “Неверным является взгляд, что в XI–XII вв. вече функционировало только в Северо-Западной Руси, а в остальных землях собиралось лишь в экстремальных условиях” (с. 398). Вече, делает вывод автор рецензируемой книги, имело повсеместное распространение на Руси. Другой важный вывод, сделанный Л.В. Войтовичем, касается социального состава участников вечевых собраний: “Источники не дают оснований считать этот орган “органом феодальной демократии”, т. е. господствующего класса, как предлагали В. Пашуто, В. Янин, П. Толочко и др.” (с. 399). Состав его участников был значительно более широким и охватывал все слои свободного населения.

С подобными выводами можно согласиться с одной, но весьма существенной, на наш взгляд, поправкой. Вечевые собрания Киевской Руси не являлись представительными учреждениями, на них собирались и действовали не “представители” от “всех слоев населения”, а свободные и полноправные граждане непосредственно. Вечевая демократия не знает представительных форм и

осуществляется посредством личного участия в деятельности вечевых собраний всех, кто достиг гражданского полноправия.

Несколько противоречивы, на наш взгляд, дальнейшие построения автора, раскрывающие взаимоотношения князей с вечевой общиной. “Князья должны были считаться с суверенными правами общины, которые реализовывались через институт веча – распоряжаться в земле без них и ставить им определенные требования”. В то же время, князья стремились “ограничить влияние веча и вообще от него избавиться” (с. 399). “Избавиться” князю от веча, равно как и “избавиться” вечевой общине от князя было бы равносильно разрушению сложившегося в период Киевской Руси государственного устройства, где князь и вече являлись основными и в равной мере необходимыми институтами власти и управления.

Развивая идею противоборства княжеской власти и вечевой общины, исследователь, вопреки сформулированным ранее положениям, склоняется именно к такому итоговому выводу: “Нам представляется, что институт веча как рудимент военной демократии эпохи племенных княжений, утратив общеземский характер, сохранился в городах, трансформировавшись в орган городского самоуправления” (с. 409).

Никаких фактов, способных доказать подобное превращение, состоявшееся будто бы еще в домонгольский период, на наш взгляд, нет. Об этом свидетельствуют и основные доказательства, предложенные Л. В. Войтовичем в подтверждение вывода о падении значения веча, а, по сути дела, вывода об изменении политического строя древнерусских земель.

Одно такое доказательство – малые размеры вечевых площадей древнерусских городов, где будто бы могли уместиться только немногочисленные представители местной знати: “Исходя из ограниченности пространства вечевых собраний в тех городах, где проведены более полные археологические исследования, например, в Новгороде Великом или в Звенигороде на Белке, их характера, можно допускать подобие этого института (института веча. – *А.М.*) “300 золотых поясов” западных городов, т. е. представительского органа городской верхушки” (с. 409).

Допуская такое “подобие”, автор как будто забывает свой же вывод, изложенный несколькими страницами выше, о том, что

“исходя из вместимости вечевой площади” Великого Новгорода, установленной в ходе многолетних раскопок, новгородское вече не могло быть узкословным органом, на него собирались граждане из всех слоев городского населения – “от бояр, и от житых людей, от купцов, и от черных людей” (с. 399).

Другим доказательством падения политического значения веча в период Киевской Руси, согласно концепции Л.В. Войтовича, является произведенная князьями замена этого демократического института советом, состоявшим из старших дружинников: “Функции веча Рюриковичи стремились заменить военным советом старшей дружины. Так возник совещательный орган, называемый думой” (с. 399). Но такое “стремление” князей и его результаты – не факт, а только предположение исследователя. К тому же, предположение отнюдь не бесспорное. Более основательным, на наш взгляд, является сложившееся еще в дореволюционной историографии понимание боярской думы как одного из основных институтов древнерусской государственности, который не был и не мог быть создан князьями, а является естественным преемником существовавшего в родоплеменную эпоху совета знати, подобно тому, как сама княжеская власть и вечевые собрания периода Киевской Руси выступают преемниками племенных князей и народных собраний прдшествовавшей эпохи.

Главным основанием для преувеличенной оценки политического потенциала княжеской власти в ее соревновании с вечевой общиной в концепции Л. В. Войтовича является понимание характера военной организации Киевской Руси, основу которой составляла будто бы княжеская дружина (с. 414). Подобный тезис, который у нашего автора выглядит как нечто само собой разумеющееся, является в высшей степени сомнительным. Даже самые убежденные сторонники идеи раннего утверждения на Руси феодально-монархических порядков были вынуждены признавать высокое значение общеземского войска как главной и во многом решающей военной силы.

В нашем понимании, именно земское войско – полк – составлял основу военной организации Киевской Руси. Все взрослое мужское население в этот период было поголовно вооружено и мобилизовано в сотенно-тысячную организацию, противостоять которой не могла ни одна, даже самая сильная и многочисленная княжеская дружина. В этом и состояло главное условие

политического преобладания вечевой общины над князем. Мобилизовать общеземское войско могло только вече, без согласия которого князь мог рассчитывать только на силы собственной дружины (что и происходило в большинстве известных межусобных конфликтов). Развитие военного дела, усовершенствование видов вооружения и появление нового оружия, в том числе дорогостоящего и требующего специальных навыков в его владении, безусловно, вело к снижению значения народного ополчения, низводило его на уровень второстепенной и даже вспомогательной военной силы по сравнению с профессионально обученными и оснащенными войсками. Однако нет никаких доказательств того, что подобные процессы и связанные с ними общественно-политические изменения могли произойти уже в период Киевской Руси.

Обращаясь к вопросу о социально-политическом положении и роли древнерусского боярства, автор приходит к обоснованному выводу о том, что “тезис многих ученых о земельных владениях, могуществе и постоянном противостоянии боярства и князей в значительной мере надуман”. Чем же тогда поддерживалось высокое общественно-политическое положение бояр? По мнению исследователя, основным источником влияния и благополучия боярства была его служба князю (с. 400). Но такой подход оставляет без внимания земских бояр, не связанных службой князьям. Между тем, проблема земского боярства, выступавшего в качестве лидеров вечевых общин, давно поставлена и обсуждается в науке. И сам Л.В. Войтович на страницах рецензируемой книги признает существование таких “вечевых лидеров” (с. 410).

Можно не соглашаться с некоторыми взглядами автора, высказанными по поводу общественно-политических отношений и государственного устройства Киевской Руси и русских земель последующего периода, тем более, что эти вопросы традиционно принадлежат к числу наиболее дискуссионных в отечественной и мировой историографии. Их невозможно решить в рамках одной монографии, тем более, что ее главная задача состояла в другом – воссоздать генеалогию основных правящих династий Восточной Европы. И с этой задачей Л.В. Войтович, на наш взгляд, справился успешно. Его монография, безусловно, является заметным событием в исторической науке и может стать незаменимым пособием для всех изучающих историю европейского средневековья.